

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-103-122>Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 07.02.2020
Принята к публикации: 24.03.2020**Эльвира Фаритовна ПУШКАРЕВА**

Совет по изучению производительных сил, Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации
Вавилова ул., д. 7, Москва, 117997, Российская Федерация
elvira_2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2620-623X

Вячеслав Александрович МИТЮШКИН

Юридическая фирма «Вестсайд»
1-й Магистральный тупик, д. 11, Москва, 123290, Российская Федерация
vyacheslavalex@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9313-4291

НЕКОТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

ВВЕДЕНИЕ. Одной из основных задач, которая стоит перед государствами в условиях роста мирового населения, является удовлетворение растущей потребности в обеспечении стабильной, дешевой и экологически безопасной энергии. Решение этих вопросов может осуществляться как посредством правового регулирования, так и посредством внедрения новых технологий, включая постепенный переход к возобновляемым источникам энергии. Несомненным лидером в данном направлении можно считать Европейский союз, где за последние два десятилетия была осуществлена масштабная трансформация внутреннего рынка энергии, которая привела к пересмотру традиционных представлений о его функционировании. Однако новый правопорядок способствовал появлению новых проблем, в том числе международного характера, которые предстоит решать исключительно в рамках международного права. В связи с этим в настоящей статье проанализированы актуальные правовые вопросы функционирования энергетического рынка ЕС и их соотношение с международным

правом, в том числе обязательствами, вытекающими из соглашений ВТО, Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а также договоров в области охраны окружающей среды. В частности, особый акцент делается на анализе основных положений Третьего энергетического пакета в части регулирования газовой сферы, в том числе в связи с реализацией проекта трансграничного газопровода «Северный поток – 2». Наконец, в статье рассматриваются основные положения недавно принятого пакета «Чистая энергия для всех европейцев».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Нормативно-правовую основу настоящего исследования составили многосторонние международные договоры, а также нормативно-правовые акты и иные официальные документы, принятые в рамках Европейского союза. В основу исследования также вошли труды отечественных и зарубежных ученых. В рамках исследования были использованы общенаучные методы, а также такие специальные методы, как историко-правовой, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Проведенное исследование показывает, что акты, принимаемые в рамках Европейского союза в области энергетики, могут находиться в противоречии с некоторыми действующими международно-правовыми нормами, закрепленными, прежде всего, в соглашениях ВТО и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Кроме того, авторами показано, что имплементация положений Третьего энергетического пакета государствами – членами ЕС должна осуществляться с учетом совместимости принятых норм с международно-правовыми нормами по защите окружающей среды.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. По итогам исследования авторы пришли к выводу, что, несмотря на решительность европейского законодательства, ему противопоставлено международное право, которое должно восстановить нарушенный баланс в отношениях с заинтересованными сторонами, прежде всего с Россией. Авторами также предлагается разработать и принять

ряд универсальных документов по охране окружающей среды при осуществлении деятельности в сфере энергетики, в том числе для предотвращения трансграничного загрязнения воздуха на большие расстояния и при разработке и добыче топливно-энергетических ресурсов морского дна.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Третий энергетический пакет, внутренний энергетический рынок ЕС, энергетическая политика ЕС, соглашения ВТО, статус морских территорий, Северный поток – 2, охрана окружающей среды

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пушкарева Э.Ф. Митюшкин В.А. 2020. Некоторые международно-правовые аспекты энергетической политики Европейского союза. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 103–122. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-103-122>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-103-122>

Research article
Received 7 February 2020
Approved 24 March 2020

Elvira F. PUSHKAREVA

Council for the Study of Productive Forces, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation
7, ul. Vavilova, Moscow, Russian Federation, 117997
elvira_2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2620-623X

Vyacheslav A. MITYUSHKIN

Westside Law Firm
11, 1-yi Magistralnyi tupik, Moscow, Russian Federation, 123290
vyacheslavalex@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9313-4291

CERTAIN INTERNATIONAL LEGAL ISSUES OF ENERGY POLICY OF THE EUROPEAN UNION

INTRODUCTION. *One of the main tasks facing states in the context of growing world population is to satisfy the growing need to provide stable, cheap and environmentally safe energy. These issues can be addressed both through legal regulation and through the introduction of new technologies, including the gradual transition to renewable energy sources. The European Union can be considered an undisputed leader in this field, which has carried out a major transformation of its internal energy market over the past two decades, resulting in a revision of traditional mechanisms of its functioning. However, the new legal order has led to new challenges, including those of an international nature, which must be addressed exclusively within the framework of international law. In this regard, this article analyzes current legal issues related to functioning of the EU energy market and their relationship with international law, including obligations arising from the WTO agreements, the UNCLOS as well as environmental treaties. In particular, special attention is given to the analysis of the main gas-related provisions of the Third Energy Package as well to the implementation of the cross-border gas pipeline project Nord Stream - 2. Finally, the article covers the key points of the recently adopted Clean energy for all Europeans package.*

MATERIALS AND METHODS. *The study is based on multilateral international treaties as well as legal acts and other official documents adopted within the European Union. The study is also based on the teachings of domestic and foreign researchers. The authors use general scientific methods as well as special methods such as historical, systematic, formal and comparative.*

RESEARCH RESULTS. *The study shows that the acts adopted within the European Union in the field of energy may be in conflict with certain international rules, enshrined in the WTO agreements and the UNCLOS. In addition, the authors show that the implementation of the Third Energy Package by the EU Member States should be carried out taking into account the compatibility of the adopted norms with international legal standards on environmental protection.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The authors conclude that despite the severity of the European legislation, it should be based on international law, which can restore the broken balance in relations with involved parties, primarily with Russia. The authors also propose to develop and adopt a number of instruments on environmental protection from damage caused by energy activities, including the prevention of transboundary air pollution over long distances and in the course of development and production of fuel and energy resources of the seabed.*

KEYWORDS. *Third energy package, EU internal energy market, EU energy policy, WTO agreements, maritime territories, Nord Stream - 2, environmental protection.*

FOR CITATION: Pushkareva E.F., Mityushkin V.A. Certain International Legal Issues of Energy Policy of the European Union. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No. 1. P. 103–122. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-103-122>

The authors declare the absence of conflict of interests.

1. Введение

Сотрудничество в сфере энергетической деятельности ЕС опирается на ряд международных соглашений, принятых в рамках международных организаций и конференций, и должно им соответствовать. Так, обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех закреплено в качестве 7 цели

в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.¹ Энергия имеет центральное значение в обеспечении экономического благосостояния отдельных государств и регионов в целом: будь то рабочие места, безопасность, изменение климата, производство продуктов питания или увеличение доходов – доступ к источникам энергии для всех является определяющим фактором. Устойчивая энергетика необходима для укрепления экономики, защиты экосистем

¹ Организация Объединенных Наций: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Доступ: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 12.01.2020).

и достижения справедливости. Чтобы добиться заметных улучшений в данной сфере, потребуется увеличить объем финансирования и взять на себя более серьезные политические обязательства, при этом страны должны быть готовы применять новые технологии в более широких масштабах. Важно также отметить, что энергетика является доминирующим фактором в области изменения климата, и на ее долю приходится около 60 процентов от общего объема глобальных выбросов парниковых газов.

Среди целей устойчивого развития, которые напрямую касаются деятельности по использованию энергетики и ее последствий, можно назвать борьбу с изменением климата (цель 13), сохранение морских экосистем (цель 14), обеспечение хорошего здоровья (цель 3), а с учетом того, что все 17 целей устойчивого развития взаимосвязаны и взаимозависимы, эффективное достижение каждой из них возможно только при достижении всех поставленных целей. Поэтому деятельность государств по достижению целей устойчивого развития напрямую касается повышения энергоэффективности и экологической безопасности при осуществлении деятельности по использованию энергетических ресурсов.

Здесь важно отметить сотрудничество государств в рамках «ООН-энергетика» координационной группы в составе 20 учреждений системы ООН, которая возглавляется Генеральным секретарем ООН. Группа осуществляет работу в рамках новой глобальной инициативы «Устойчивая энергетика для всех»². Данная инициатива направлена на достижение к 2030 г. трех основных целей: обеспечение всеобщего доступа к современным энергетическим услугам; снижение интенсивности мирового энергопотребления на 40 %; увеличение доли возобновляемых источников энергии в мире до 30 %.

Таким образом, важно рассмотреть актуальные вопросы в сфере формирования энергетической политики ЕС и развития соответствующего правового регулирования, особенно те, решение которых должно происходить с учетом международно-правовых обязательств ЕС.

2. Правовые основы энергетической политики ЕС и обязательства в рамках ВТО

Развитие сотрудничества в сфере энергетики имело приоритетное значение с момента учреждения Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в 1951 г., однако вопросы создания единого энергетического рынка ЕС стали широко обсуждаться лишь к концу 1980-х гг. Ключевым документом, поставившим перед Сообществом задачу построения внутреннего рынка к концу 1992 г., стал Единый европейский акт, принятый в 1986 г. Статья 13 Акта закрепила юридическое определение внутреннего рынка, представляющего собой «пространство без внутренних границ, в котором обеспечивается свободное движение товаров, лиц, услуг и капиталов».

Конкретные шаги, направленные на интеграцию национальных энергетических рынков, были представлены в 1988 г. в рабочем документе Комиссии «Внутренний энергетический рынок» и включали среди прочего устранение технических барьеров посредством гармонизации национального законодательства и контроля государственных закупок, а также устранение фискальных барьеров посредством сближения налогового законодательства в области энергетики⁴. Создание единого энергетического рынка имело особую актуальность для монополизированных рынков электрической и газовой промышленности, где доминировали национальные вертикально интегрированные предприятия (зачастую принадлежащие государству), которые обладали монопольным правом на производство, транспортировку и поставку энергии потребителям, что приводило к отсутствию конкуренции со всеми вытекающими из этого последствиями [Dralle 2018:3].

Либерализация электроэнергетического и газового рынков ЕС проходила в несколько этапов в форме т. н. энергетических пакетов, которые включали в себя акты вторичного законодательства ЕС, а именно директивы и регламенты. Начало процесса трансформации национальных энергетических рынков было положено с при-

² Организация Объединенных Наций: Инициатива «Устойчивая энергетика для всех» и ее будущая роль в контексте развития устойчивой энергетики. Доступ: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/22061> (дата обращения: 12.01.2020).

³ Его первоначальными участниками стали шесть государств: Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург.

⁴ Commission of the European Communities: The Internal Energy Market (Commission Working Document). May 2, 1998. P. 13. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51988DC0238&from=EN> (accessed 12.01.2020).

нятием в 1996 г. Директивы «Об общих правилах на внутреннем рынке электроэнергетики»⁵, ставшей частью Первого энергетического пакета ЕС, который перерос во Второй энергетический пакет (2003 г.), а затем и в Третий (2009 г.). В 2019 г. был завершен процесс принятия Четвертого энергетического пакета, получившего название «Чистая энергия для всех европейцев»⁶. В его основе стоит задача постепенного перехода к «низкоуглеродной экономике», которая предполагает снижение уровня выброса парниковых газов в ЕС по меньшей мере на 80 % до 2050 г. по сравнению с уровнем 1990 года⁷. Таким образом, принятый пакет направлен на реализацию положений Стратегии Энергетического союза 2015 г.⁸, а также положений Парижского соглашения 2015 г. Всего было принято 8 документов, которые охватывают такие вопросы, как эффективность использования энергии (Директивы (EU) 2018/2002, (EU) 2018/844), возобновляемые источники энергии (Директива (EU) 2018/2001), функционирование рынка электроэнергетики (Регламенты (EU) 2019/941, (EU) 2019/942, (EU) 2019/943; Директива (EU) 2019/944), а также механизмы управления (Регламент (EU) 2018/1999).

Эффективность использования энергии является наиболее простым способом снижения вредных выбросов, в связи с чем новые правила, закрепленные в пересмотренной Директиве 2012/27/EU, предполагают дальнейшее увеличение уровня энергоэффективности как минимум до 32,5 % до 2030 г. или иными словами – потребление не более 1273 млн тонн первичной энергии и/или не более 956 млн тонн конечной энергии. Кроме того, государства – члены ЕС обязуются снижать потребление конечной энергии на 0,8 % ежегодно. Особое внимание уделяется также вопросу энергоэффективности потребления энергии зданиями, который регулируется пересмотренной Директивой 2010/31/EU. В частности,

государства-члены с 31 декабря 2020 г. обязаны обеспечить строительство зданий с практически нулевым энергопотреблением (nearly zero-energy buildings), которые поддерживаются возобновляемыми источниками энергии. Не менее интересной представляется обязанность оборудовать зарядными станциями каждое десятое парковочное место, расположенное рядом с новыми или модернизированными нежилыми строениями.

Что касается возобновляемых источников энергии, ЕС поставил перед собой амбициозную задачу стать мировым лидером в их использовании. Для этого до 2030 г. предполагается увеличить долю возобновляемых источников в потреблении конечной энергии как минимум до 32 % (по сравнению с 20 % до 2020 г. в соответствии с первоначальной Директивой 2009/28/ЕС). При этом для каждого государства установлена своя цель в т. н. национальных планах действий в области использования возобновляемых источников энергии (national renewable energy action plans), например, 10 % для Мальты и 49 % для Швеции.

Значительная часть принятых актов посвящена дальнейшему регулированию внутреннего рынка электроэнергии, основы которого были заложены предшествующими пакетами. Особый акцент делается на обеспечении надежности поставок электроэнергии, которая должна достигаться, в том числе посредством разработки каждым государством-членом планов действий на случай наступления потенциального кризиса как на национальном, так и на региональном уровне. Кроме того, пакет расширил функции и полномочия, учрежденного Третьим энергетическим пакетом Агентства по сотрудничеству энергетических регуляторов (ACER). В дополнение к таким функциям, как координация действий национальных регулирующих органов, оказание им содействия, а также надзор за функциониро-

⁵ European Union: Directive 96/92/EC of the European Parliament and of the Council of 19 December 1996 concerning common rules for the internal market in electricity. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31996L0092> (accessed 12.01.2020).

⁶ European Commission: Clean energy for all Europeans package. URL: https://ec.europa.eu/energy/topics/energy-strategy/clean-energy-all-europeans_en (accessed 12.01.2020).

⁷ European Union: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A Roadmap for moving to a competitive low carbon economy in 2050. March 8, 2011. P. 4. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011DC0112&from=EN> (accessed 12.01.2020).

⁸ См.: European Union: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank. A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy. February 25, 2015. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52015DC0080&from=EN> (accessed 12.01.2020).

ванием внутреннего рынка, отныне Агентство среди прочего осуществляет надзор за организациями, деятельность которых, так или иначе, связана с газом или электроэнергией, например, за операторами систем транспортировки (Transmission System Operators).

Наконец, в рамках механизма управления новый пакет предусматривает создание Национальных планов в области энергетики и климата (NECPs), которые разрабатываются каждым государством – членом ЕС и описывают конкретные шаги для достижения поставленных целей, в частности, в рамках Политики в области климата и энергетики на период с 2020 г. по 2030 г.⁹, а также в рамках измерений Энергетического союза¹⁰.

В целом пакет «Чистая энергия для всех европейцев» представляет собой попытку осуществить постепенный переход к чистой и устойчивой энергии, что является объективным требованием для решения экологических задач, которые не могли быть решены в рамках Третьего энергетического пакета [Penttinen, Aalto, Naukkala 2020:2]. В будущем это позволит не только обеспечить выполнение принятых на себя обязательств в рамках Парижского соглашения, но и закрепить лидерство Европейского союза в области использования возобновляемых источников энергии.

Несмотря на прогрессивность нового энергетического пакета, наибольшую актуальность, на наш взгляд, имеет Третий энергетический пакет (далее – ТЭП), в особенности акты, регулирующие отношения в газовой сфере, поскольку именно они стали предметом многолетних юридических и политических споров между Россией и Европейским союзом, что привело не только к отмене совместных проектов (газопровод «Южный поток») [Medović 2014:15], но и к ухудшению

энергетических отношений в целом [Georgiou, Rocco 2017:1].

Третий энергетический пакет вступил в силу 3 сентября 2009 г. и первоначально состоял из двух директив и трех регламентов, однако в связи с принятием Пакета «Чистая энергия для всех европейцев» в настоящее время силу сохраняют лишь следующие акты:

- Директива 2009/73/ЕС Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г. «Об общих правилах на внутреннем рынке природного газа и отмене Директивы 2003/55/ЕС» (далее – Газовая директива 2009/73/ЕС)¹¹;
- Директива 2009/72/ЕС Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г. «Об общих правилах на внутреннем рынке электроэнергетики и отмене Директивы 2003/54/ЕС» (в силе до 31 декабря 2020)¹²;
- Регламент № 715/2009 Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г. «Об условиях доступа к сетям транспортировки природного газа и отмене Регламента № 1775/2005»¹³.

Применительно к газовой сфере ТЭП предусматривает несколько механизмов регулирования газового рынка, однако наиболее противоречивыми оказались механизм доступа третьих лиц к газовой инфраструктуре и механизм разделения вертикально интегрированных предприятий.

Весь процесс транспортировки газа от производителя к конечному потребителю происходит с помощью промышленных газопроводов, предназначенных для транспортировки газа с месторождения, и магистральных высоконапорных газопроводов, которые соединены с низконапорными распределительными сетями. Для СПГ используются специальные установки, которые включают терминалы по сжижению природного газа и его регазификации. Для

⁹ European Union: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A policy framework for climate and energy in the period from 2020 to 2030. January 22, 2014. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014DC0015&from=EN> (accessed 12.01.2020).

¹⁰ Подробнее см.: European Commission: Energy Union. URL: https://ec.europa.eu/energy/topics/energy-strategy/energy-union_en#regulation-on-the-governance-of-the-energy-union-and-climate-action (accessed 12.01.2020).

¹¹ См.: European Union: Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in natural gas and repealing Directive 2003/55/EC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0073&from=EN> (accessed 12.01.2020).

¹² См.: European Union: Directive (EU) 2019/944 of the European Parliament and of the Council of 5 June 2019 on common rules for the internal market for electricity and amending Directive 2012/27/EU (Text with EEA relevance.). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019L0944&from=en> (accessed 12.01.2020).

¹³ См.: European Union: Regulation (EC) No 1775/2005 of the European Parliament and of the Council of 28 September 2005 on conditions for access to the natural gas transmission networks. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32005R1775&from=EN> (accessed 12.01.2020).

хранения газа используются также подземные хранилища газа (ПХГ), позволяющие выравнять пиковый спрос в зимний период и снабжать потребителей газом в течение некоторого времени в случае сбоев поставок. Поскольку строительство дублирующей газовой сети не является экономически целесообразным, возникает возможность злоупотребления доминирующим положением со стороны монополиста [Исполинов, Двенадцатова 2013:104]. В связи с этим Газовая директива 2009/73/ЕС предусматривает право доступа третьих лиц к некоторым объектам газовой инфраструктуры, среди которых системы транспортировки и распределения газа (transmission and distribution system) и установки СПГ (LNG facilities); системы хранения газа (storage facilities); а также сети промышленных трубопроводов (upstream pipeline networks). При этом возможность доступа к объектам газовой инфраструктуры в отдельных случаях может обеспечиваться посредством процедуры переговорного доступа или посредством процедуры регулируемого доступа. В первом случае государства-члены должны обеспечить возможность для газового предприятия иметь доступ к системам посредством заключения коммерческих договоров. Во втором случае доступ к системам возможен на основании опубликованных тарифов.

В дополнение к механизму доступа третьих лиц к газовой инфраструктуре Газовая директива 2009/73/ЕС способствует дальнейшему развитию механизма структурного разделения естественно-монопольных (транспортировка) и конкурентных видов деятельности (добыча и поставка) вертикально интегрированных предприятий [Гудков 2010:61]. В соответствии со ст. 2 (20) под вертикально интегрированным предприятием понимается «газовое предприятие или группа газовых предприятий, в отношении которых одно и то же лицо или одни и те же лица уполномочены прямо или косвенно осуществлять контроль, и в отношении которых предприятие или группа предприятий осуществляют как минимум одну из функций по транспортировке, распределению, эксплуатации СПГ или хранению, и как минимум одну из функций по добыче или поставке природного газа».

Все системы транспортировки, распределения, СПГ и хранения газа обязаны иметь, соот-

ветственно, операторов систем транспортировки (transmission system operator), операторов систем хранения (storage system operator), операторов установок СПГ (LNG system operator) и операторов систем распределения (distribution system operator), в функции которых входит эксплуатация и поддержание системы.

В связи с этим суть механизма разделения вертикально интегрированных предприятий заключается в выделении в независимые структурные единицы указанных операторов, что, по замыслу Комиссии, позволит пресекать недобросовестную конкуренцию, поскольку компания, которая одновременно производит энергию и осуществляет ее продажу и транспортировку по своим сетям, может воспрепятствовать третьим лицам в доступе к своей инфраструктуре, что может привести к росту цен для потребителей¹⁴. Как правило, это предполагает продажу газовых сетей вертикально интегрированного предприятия, а также запрет на владение контрольным пакетом акций, правом голоса и назначения членом правления в предприятии по транспортировке энергии.

При этом статус оператора присваивается на основании решения регулирующего органа, а для операторов систем транспортировки вдобавок предусматривается процедура сертификации, причем особые требования установлены для сертификации операторов систем транспортировки, которые контролируются лицами из третьих государств. В этом случае для прохождения сертификации необходимо, помимо разделения, доказать отсутствие рисков для безопасности поставок энергии на территорию государства-члена и Сообщества. Примечательно, что в научных кругах данное положение получило название «оговорка о третьих странах» и «оговорка Газпрома» [Talus 2013:200].

Интересно, что реформирование газового рынка Европейского союза не принесло ожидаемых результатов. Отмечается, что механизм разъединения вертикально интегрированных предприятий и механизм доступа третьих лиц привели к изменению структуры газового рынка, а именно к увеличению числа газовых предприятий и уменьшению доли крупнейших игроков на более открытых рынках, что закономерно увеличило уровень конкуренции. Однако изменение структуры рынка не привело к значитель-

¹⁴ European Commission Market legislation. URL: <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/markets-and-consumers/market-legislation> (accessed 07.01.2020).

ному изменению стоимости газа вопреки одной из основных целей проводимых преобразований [Herweg, Wurster, Dümig 2018:14]. Тем не менее процесс либерализации газового рынка еще не закончен, и, вероятно, последующие реформы позволят достигнуть намеченных целей и завершить процесс создания единого конкурентного газового рынка Европейского союза.

В настоящее время положения Третьего энергетического пакета остаются предметом дискуссий как в рамках ЕС, так и на международной арене. Так, в 2014 г. Россия направила запрос о проведении консультаций в ВТО с целью оспорить ключевые положения Третьего энергетического пакета, которые, по мнению России, могут нарушать обязательства ЕС и его государств-членов, вытекающих из соглашений ВТО. Как отмечает И.В. Рачков, оспаривание положений энергетического законодательства в рамках ВТО, а не в судебных органах ЕС, является правильным шагом, так как последние, вероятнее всего, не признают нарушение обязательств Европейского союза, вытекающих из соглашений ВТО [Рачков 2015:77], что и было показано в недавнем споре (см. далее).

10 августа 2018 г. третейская группа приняла соответствующий доклад, в котором отклонила большую часть претензий Российской Федерации¹⁵. Вместе с тем третейская группа поддержала аргументы России в отношении мер, касающихся предоставления исключений (the infrastructure exemption measure), сертификации в отношении третьих стран (the third-country certification measure), а также предоставления статуса проекта общего интереса (the TEN-E measure).

В соответствии со ст. 36 Газовой директивы 2009/73/ЕС объекты новой крупной газовой инфраструктуры могут быть временно освобождены от выполнения требований разъединения, доступа третьих лиц и тарифного регулирования. В данном случае речь идет о газопроводе «OPAL» (сухопутное продолжение морского газопровода «Северный поток» на территории Германии), который первоначально получил необходимое исключение от регулирующего органа Германии, однако затем Европейская комиссия своим решением ограничила его пропускную способность на 50 %. Для преодоления установленного ограничения российскому поставщику

потребовалось бы применить Программу продажи газа (Gas Release Program), предполагающую ежегодную продажу 3 млрд куб. м газа конкурирующим поставщикам по заранее определенной цене. По мнению России, проблема заключается в том, что подобные требования не предъявлялись в решениях об освобождении газопроводов, которые находились под контролем иных третьих государств. Данная мера *de facto* приводит к количественным ограничениям на объем импортируемого из России природного газа. Таким образом, перечисленные меры противоречат обязательствам, вытекающим из ст. XI:1 ГАТТ. В своем решении третейская группа поддержала аргументы России и указала, что меры ограничивают конкурентные условия для импорта российского природного газа.

Кроме того, третейская группа указала на нарушение обязательств в связи с действием механизма сертификации в отношении третьих государств. Статья 11 Газовой директивы 2009/73/ЕС содержит разные требования о сертификации операторов систем транспортировки, если они контролируются лицами из государств – членов ЕС и лицами из третьих государств. Поскольку правила, установленные указанной статьей, не распространяются на операторов систем транспортировки, подконтрольных лицам или государствам из Европейского союза, Россия считает, что данная мера, закрепленная в Директиве, а также в национальном законодательстве Хорватии, Венгрии и Литвы, представляет собой нарушение национального режима на основании ст. II:1 и ст. VI:1, VI:5(a), XVII ГАТС соответственно. Что касается положений Директивы, третейская группа отметила, что не было доказано их дискриминационного применения по отношению к России. Однако ее положения, имплементированные в законодательство Хорватии, Венгрии и Литвы, *de jure* представляют собой нарушение национального режима, установленного ст. XVII ГАТС, поскольку главным условием сертификации операторов системы транспортировки выступает предварительная оценка влияния на безопасность поставок, что не требуется для местных операторов. Третейской группой также был отвергнут аргумент Европейского союза о том, что данная мера оправдана для поддержания общественного порядка на основании ст.

¹⁵ Подробнее см.: WTO: European Union and its Member States – Certain Measures Relating to the Energy Sector. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds476_e.htm (accessed 12.01.2020).

XIV(a) ГАТС. Таким образом, Третейская группа установила, что мера приводит к произвольной и неоправданной дискриминации в отношении России.

Наконец, Россия оспорила меры Европейского союза, которые касаются предоставления ключевым объектам инфраструктуры статуса проекта общего интереса. Проекты, получившие данный статус, вправе рассчитывать на определенные преимущества, в том числе финансовые, однако до настоящего времени в перечень не включены проекты по транспортировке природного газа из России. В связи с этим Россия утверждает, что критерии определения проектов общего интереса являются дискриминационными по отношению к России, поскольку цель меры, связанная с диверсификацией поставок газа, направлена на уменьшение импорта российского газа на территорию государств – членов Европейского союза. При оценке обстоятельств дела третейская группа приняла во внимание тот факт, что Россия является основным поставщиком газа в Европейский союз и доминирующим поставщиком в отдельных государствах-членах, поэтому критерий диверсификации поставок газа во многих случаях предполагает развитие инфраструктуры с государствами иными, чем Россия. Таким образом, третейская группа пришла к выводу, что указанная мера предоставляет более благоприятные условия для транспортировки природного газа из других государств, что не соответствует ст. I:1 и ст. III:4 ГАТТ.

Не согласившись с докладом, в сентябре 2018 г. обе стороны приняли решение оспорить выводы третейской группы в Апелляционном органе ВТО, однако в связи со сложностью дела, его рассмотрение было отложено на неопределенный срок¹⁶.

Комментируя доклад третейской группы, можно заметить, что решение было вынесено, скорее, в пользу Европейского союза, чем России. Действительно, ключевые положения Третьего энергетического пакета о разделении вертикально интегрированных предприятий были признаны правомерными, при этом те меры, которые России удалось оспорить, вряд ли смогут значительно изменить существующее положение вещей. Однако о каких-то конкретных

выводах говорить пока что рано, поскольку последнее слово будет за Апелляционным органом ВТО.

3. Энергетическая политика ЕС и международно-правовой статус морских территорий

Разработка и принятие столь масштабных изменений в законодательство Европейского союза и его государств-членов вызывают необходимость анализа совместимости принятых норм с международно-правовыми нормами по использованию Мирового океана, в частности, касательно правового статуса отдельных территорий, таких как континентальный шельф, территориальное море и исключительная экономическая зона. Особенности международно-правового регулирования статуса этих территорий являются важным основанием для введения новых норм ЕС касательно прокладки трубопроводов по данным территориям.

Итак, действие Третьего энергетического пакета ограничивается территорией государств – членов Европейского союза, государств-кандидатов на вступление, членов Европейской экономической зоны и Энергетического сообщества. Если быть точнее, на основании ст. 2 Конвенции ООН по морскому праву действие ТЭП, по общему правилу, должно быть ограничено пределами сухопутной территории, внутренних вод (а в случае государства-архипелага – пределами его архипелажных вод) и территориального моря, включая воздушное пространство над ним и его дно и недра. Однако в соответствии с п. 3 суверенитет над территориальным морем не является абсолютным, а осуществляется с соблюдением Конвенции и других норм международного права. Кроме того, п. 4 ст. 79 Конвенции позволяет прибрежному государству определять условия прокладки трубопроводов, проходящих по его территории или в территориальном море, или его юрисдикцию в отношении трубопроводов, проложенных или используемых в связи с разведкой его континентального шельфа, разработкой его ресурсов или эксплуатацией искусственных островов, установок или сооружений под его юрисдикцией.

¹⁶ См.: WTO: European Union and its Member States – Certain Measures Relating to the Energy Sector. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds476_e.htm (accessed 12.01.2020).

В ноябре 2017 г. Комиссия выдвинула предложение¹⁷ о внесении изменений в Газовую директиву 2009/73/ЕС, целью которого было распространение действия правил о трансграничных газопроводах между двумя и более государствами – членами ЕС на газопроводы с третьими государствами. Для этой цели предлагалось распространить действие Директивы на морские газопроводы третьих государств, проходящих по исключительной экономической зоне государств-членов. Иными словами, целью инициативы было распространение правил ЕС о разграничении, прозрачности, доступа третьих лиц и тарифного регулирования не только на газопроводы с третьими государствами в пределах территории государств-членов, но и на газопроводы, расположенные в пределах исключительной экономической зоны государств-членов, если такой газопровод соединен с газопроводной сетью Европейского союза.

В таком случае на основании ст. 11 Газовой директивы 2009/73/ЕС каждому регулирующему органу прибрежного государства, по исключительной экономической зоне которого проходит газопровод, было бы необходимо принимать решение о сертификации оператора системы транспортировки, контролируемого третьим государством. К тому же возникла бы необходимость решить вопрос о предоставлении исключений в связи со строительством новой газовой инфраструктуры (ст. 36), что подразумевает согласие соответствующих регулирующих органов или вмешательства Агентства, если такое согласие не может быть достигнуто.

Кроме того, такие изменения в правовом регулировании могли бы привести к распространению положений ТЭП на строящийся российский газопровод «Северный поток – 2», большая часть которого проходит в пределах ИЭЗ государств – членов ЕС.

Тем не менее подобная инициатива вряд ли возможна с точки зрения Конвенции ООН по морскому праву, на что также указывает Юри-

дическая служба Совета¹⁸. Данная инициатива предполагает распространение юрисдикции Европейского союза на пространства, находящиеся за пределами территориального моря государств-членов. Однако Европейский союз является участником Конвенции ООН по морскому праву¹⁹ и, следовательно, в соответствии с п. 2 ст. 216 ДФЕС положения Конвенции имеет обязательную силу для институтов Союза и для его государств-членов.

Конвенция ООН по морскому праву устанавливает режим прокладки, эксплуатации и защиты морских трубопроводов, при этом их правовой статус определяется не только совокупностью прав прибрежных и иных государств, но также и видом трубопровода. Фактически Конвенция различает трубопроводы, проложенные или используемые в связи с разведкой континентального шельфа прибрежного государства, разработкой его ресурсов или эксплуатацией искусственных островов, установок или сооружений под его юрисдикцией и иные трансграничные трубопроводы, статус которых определяется режимом соответствующего морского пространства²⁰.

Применение европейского энергетического права в пределах территориального моря государства-члена допускается при условии соблюдения Конвенции и других норм международного права. Однако для исключительной экономической зоны установлен особый правовой режим в отношении прав и юрисдикции прибрежного государства, и прав и свобод других государств (ст. 55). В соответствии со ст. 56 прибрежное государство осуществляет «суверенные права в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов ... а также в целях управления этими ресурсами, и в отношении других видов деятельности по экономической разведке и разработке зоны...». Прибрежные государства также имеют юрисдикцию в отношении создания и использования искусственных островов, установок и сооружений, морских научных исследова-

¹⁷ European Union: Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council amending Directive 2009/73/EC concerning common rules for the internal market in natural gas. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017PC0660&from=EN> (accessed 12.01.2020).

¹⁸ Gotev G. EU Council removes Nord Stream 2 legal hurdles. – *EURACTIV.com*. March 5, 2018. URL: <https://www.euractiv.com/section/energy/news/industry-council-remove-nord-stream-2-hurdles/> (accessed 12.01.2020).

¹⁹ European Union: Council Decision 98/392/EC of 23 March 1998 concerning the conclusion by the European Community of the United Nations Convention of 10 December 1982 on the Law of the Sea and the Agreement of 28 July 1994 relating to the implementation of Part XI thereof. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31998D0392&from=EN> (accessed 17.01.2020).

²⁰ Москва У. Международно-правовой режим трансграничных трубопроводов. Дис.... канд. юрид. наук. Москва. 2016. С. 93.

ний и защиты окружающей среды. На основании рассматриваемых положений в рамках Европейского союза приняты нормативно-правовые акты, применимые к исключительной экономической зоне и континентальному шельфу государств-членов²¹.

Права и обязанности других государств закреплены в ст. 58 и включают свободу судоходства и полетов, прокладки подводных кабелей и трубопроводов. При этом в соответствии с п. 3 указанной статьи данные свободы должны осуществляться с учетом законов и правил, принятых прибрежным государством в соответствии с Конвенцией и другими нормами международного права. Например, Международный трибунал ООН по морскому праву в деле о танкере «Сайга» – 2 (Сент-Винсент и Гренадины против Гвинеи) определил, что запрет определенной деятельности Гвинеи в ИЭЗ, которая была охарактеризована Сент-Винсентом и Гренадинами как деятельность, оказывающая влияние на экономические интересы и влекущая за собой фискальные потери, не является совместимым со ст. 56 и ст. 58 Конвенции ООН по морскому праву²².

Что касается права прокладки подводных трубопроводов, то его содержание раскрывается в ст. 79, которая закрепляет право всех государств прокладывать подводные трубопроводы на континентальном шельфе, а также устанавливает пределы регулирования подобной деятельности прибрежным государством. В частности, прибрежное государство вправе принимать разумные меры для разведки континентального шельфа, разработки его природных ресурсов и предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения от трубопроводов, а также выражать согласие в отношении определения трассы для прокладки таких трубопроводов. Кроме того, прибрежное государство также обладает юрисдикцией в отношении трубопроводов, проложенных или используемых в связи с разведкой его континентального шельфа, разработкой его ресурсов или эксплуатацией искус-

ственных островов, установок или сооружений под его юрисдикцией.

Наконец, прибрежное государство вправе определять условия прокладки трубопроводов, проходящих по его территории или в территориальном море. Как указал Суд ЕС в деле *L. Kik v Staatssecretaris van Financiën*, юрисдикция прибрежного государства на континентальном шельфе, установленная п. 4 ст. 79, распространяется только на трубопроводы, проложенные в связи с разведкой континентального шельфа и разработкой его ресурсов, и не распространяется на иные виды трубопроводов (п. 41)²³. Суд также подчеркнул, что юрисдикция прибрежного государства не может распространяться на судно, используемое для прокладки трубопровода, поскольку такое судно не может считаться искусственным островом, установкой или сооружением на континентальном шельфе по смыслу ст. 80 Конвенции.

Таким образом, применение Газовой директивы 2009/73/ЕС при прокладке трубопроводов в ИЭЗ государств-членов третьими странами с целью транспортировки, например, газа, не представляется возможным, поскольку требования Директивы не являются совместимыми с ч. V Конвенции в отсутствие их прямой связи с положениями п. 1 ст. 56. Соответственно, применение правил Европейского союза о разъединении, прозрачности, доступе третьих лиц и регулируемых тарифах на территориях исключительных экономических зон не представляется возможным с точки зрения Конвенции ООН по морскому праву, если данные меры не относятся к проектам по экономической разведке и разработке ресурсов исключительной экономической зоны (ст. 56 и ст. 58 Конвенции).

В этой связи актуально рассмотреть правовые основы реализации проекта «Северный поток – 2», продолжение и завершение которого напрямую зависит от применения Третьего энергетического пакета. Газопровод «Северный поток – 2» фактически является расширением уже действующего газопровода «Северный поток»,

²¹ См., например: European Union: Directive 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council of 12 June 2013 on safety of offshore oil and gas operations and amending Directive 2004/35/EC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013L0030&from=EN> (accessed 17.01.2020).

²² The International Tribunal for the Law of the Sea: *MIV "SAIGA" (No. 2) Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea)*. Judgment. July 1, 1999. P. 55. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_2/published/C2-J-1_Jul_99.pdf (accessed 17.01.2020).

²³ European Court of Justice: *L. Kik v Staatssecretaris van Financiën*. Judgment of the Court (Fifth Chamber) of March 19, 2015. URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=EC604AF43ED529E4A21DF0586F2D34B3?text=&docid=163027&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1091954> (accessed: 20.03.2020).

сооружение которого завершилось в апреле 2012 года²⁴ и который позволил осуществлять поставки газа в обход транзитных стран напрямую в Германию.

С начала июня 2015 г., когда между «Газпромом», британско-нидерландской «Шелл» и австрийской «ОМФ» были подписаны Меморандумы, закрепившие намерение сторон построить дополнительные две нитки газопровода, стороны приступили к выполнению необходимых подготовительных процедур, включающих получение разрешений от соответствующих государств, при этом технико-экономическое исследование проекта было начато еще в октябре 2012 г.²⁵ Укладка газопровода была начата в сентябре 2018 г. в Финском заливе²⁶, а по состоянию на декабрь 2019 г. его строительство завершено на 93,5 %²⁷.

Протяженность газопровода составит более 1200 км, а его мощность будет равна 55 млрд куб. м газа в год. Маршрут газопровода практически полностью повторяет маршрут «Северного потока»: его точкой входа станет район Усть-Луги Ленинградской области, что немного южнее точки входа «Северного потока», а точка выхода будет расположена в районе Грайфсвальда в Германии. Таким образом, маршрут газопровода проходит через исключительные экономические зоны Финляндии, Швеции, Дании, а также исключительные экономические зоны и территориальные моря России и Германии.

Единственным акционером компании «Nord Stream 2 AG», которая реализует проект, стал «Газпром», однако его финансирование в объеме 50 % от общей стоимости осуществляется пятью европейскими компаниями («ENGIE», «OMV», «Royal Dutch Shell», «Uniper» и «Wintershall»)²⁸.

Известно, что проект газопровода встречает противостояние со стороны Европейской комиссии, Европейского парламента и ряда государств Восточной Европы и США, которые указывают, что он увеличивает зависимость от России²⁹. Так, например, в своем официальном отчете о состоянии Энергетического союза от 2015 г. Комиссия отметила: «Третья и четвертая нитки газопровода "Северный поток" не приведут к появлению нового источника поставок и еще больше увеличат объем газотранспортных мощностей из России в ЕС...»³⁰. Кроме того, в недавно принятой резолюции Европейского парламента было отмечено, что газопровод «...увеличивает зависимость ЕС от поставок российского газа, угрожает внутреннему рынку ЕС и не соответствует энергетической политике ЕС или его стратегическим интересам, поэтому его строительство должно быть остановлено...» (п. 29)³¹. Среди исследователей особо отмечается, что проект может способствовать дальнейшему увеличению зависимости от поставок российского газа в странах Восточной Европы, которые в настоящее время испытывают недостаток в альтернативных газопроводных сетях [Riley 2018:10].

Представляется, что, несмотря на существующие проблемы, которые могут отодвинуть сроки завершения проекта, окончательно остановить его реализацию будет сложно [Арапова, Большаков, Сушенцов 2019:26]. Хотя сложности, действительно, присутствуют. Так, несмотря на то, что действие норм Третьего энергетического пакета согласно международному праву не может распространяться на участок, проходящий по исключительным экономическим зонам соответствующих государств, Европейская комиссия в 2019 г. предложила поправки к Газовой

²⁴ «Северный поток». Газопровод, напрямую соединивший Россию и Европу. – *Официальный сайт ПАО «Газпром»*. Доступ: <http://www.gazprom.ru/projects/nord-stream/> (дата обращения: 17.01.2020).

²⁵ «Северный поток – 2». Новый экспортный газопровод из России в Европу через Балтийское море. – *Официальный сайт ПАО «Газпром»*. Доступ: <http://www.gazprom.ru/projects/nord-stream2/> (дата обращения: 17.01.2020).

²⁶ Началась укладка газопровода «Северный поток – 2» в Финляндии. – *Официальный сайт ПАО «Газпром»*. 05.09.2018. Доступ: <http://www.gazprom.ru/about/subsidiaries/news/2018/september/article458418/> (дата обращения: 17.01.2020).

²⁷ Строительство «Северного потока – 2» завершено на 93,5 %. – *Информационное агентство ТАСС*. 23.12.2019. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/7406895> (дата обращения: 17.01.2020).

²⁸ Nord Stream 2 AG и европейские энергетические компании подписали соглашения о финансировании. – *Официальный сайт ПАО «Газпром»*. 24.04.2017. Доступ: <http://www.gazprom.ru/press/news/2017/april/article327181/> (дата обращения: 17.01.2020).

²⁹ Обзор такого рода позиций приводится в [Гудков 2015:41-53].

³⁰ European Union: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank: State of the Energy Union 2015. November 11, 2015. P. 11. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2015/EN/1-2015-572-EN-F1-1.PDF> (accessed 12.01.2020).

³¹ European Parliament: Resolution of 12 March 2019 on the state of EU-Russia political relations (2018/2158(INI)). URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0157_EN.html (accessed 12.01.2020).

директиве 2009/73/ЕС, которые распространяют свое действие на газопроводы из третьих стран вплоть до внешней границы территориального моря государств – членов ЕС³². Соответственно, действие Газовой директивы 2009/73/ЕС будет распространяться на немецкий участок «Северного потока – 2», начиная от первой соединительной точки с внутренней сетью до внешней границы территориального моря. Это означает необходимость соблюдения требований разъединения, доступа третьих лиц и тарифного регулирования в отношении данного участка.

В ответ на поправки в июле 2019 г. российская сторона от имени оператора газопровода обратилась в Европейский суд общей юрисдикции с требованием аннулировать соответствующую директиву, обосновывая свою позицию тем, что Директива нарушает принципы права ЕС о равном обращении и пропорциональности. При этом ранее оператор «Северного потока – 2» Nord Stream 2 AG направлял заявку в регулирующий орган Германии для получения исключения, которое могло быть предоставлено при условии, что строительство газопровода завершится до 23 мая 2019 г. Поскольку на тот момент данное условие не выполнялось, газопровод не получил необходимого исключения. Кроме того, на основании ст. 26 Договора к Энергетической хартии 1994 г. оператор «Северного потока – 2» Nord Stream 2 AG, будучи иностранным инвестором, инициировал процедуру дружественного разрешения споров в форме консультаций и обмена письмами, которая, однако, не увенчалась успехом, в связи с чем в сентябре 2019 г. была задействована процедура арбитража³³. Отметим, что возможный спор представляет собой крайнюю меру, поэтому гораздо предпочтительнее, если стороны сумеют договориться и найти взаимоприемлемое решение.

4. Энергетическая политика ЕС и международно-правовые аспекты охраны окружающей среды

Имплементация положений Третьего энергетического пакета государствами – членами ЕС должна осуществляться с учетом совместимо-

сти принятых норм с международно-правовыми нормами по защите окружающей среды, в том числе морской среды. В целом сотрудничество в сфере охраны окружающей среды при осуществлении энергетической деятельности опирается на ряд международных соглашений и основывается на принципах международного экологического права и устойчивого развития. Так как охватить все области международно-правового регулирования по данному вопросу в одной статье не представляется возможным, целесообразно выделить и рассмотреть наиболее важные для обеспечения экологической безопасности энергетической деятельности сферы международного экологического права. В рамках данного исследования будут рассмотрены международно-правовые вопросы сотрудничества по предотвращению трансграничного загрязнения воздуха на большие расстояния (что напрямую связано с последствиями от энергетической деятельности) и по предотвращению загрязнения окружающей среды в результате деятельности по добыче топливно-энергетических ресурсов морского дна и прокладки трубопроводов, ведь последствия от такой деятельности для морской среды наиболее опасны и часто непредсказуемы, как это было после разлива нефти в результате взрыва нефтяной платформы в Мексиканском заливе в 2010 г.

Наиболее значимым многосторонним договором, который регулирует экологические последствия энергетической деятельности, стала Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г., которая направлена, в том числе на борьбу с последствиями от загрязнения атмосферного воздуха при работе электростанций. Согласно ст. 6 в целях борьбы с загрязнением воздуха, Стороны обязуются разрабатывать наилучшую политику и стратегию, включая системы регулирования качества воздуха, в том числе меры по борьбе с загрязнением, совместимые со сбалансированным развитием.

Общие положения Конвенции получили развитие в протоколах к ней. Более детально вопросы влияния энергетики на состояние окружающей среды отражены в Протоколе 1994 г. В данном документе подтверждена необходимость

³² European Union: Directive (EU) 2019/692 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 amending Directive 2009/73/EC concerning common rules for the internal market in natural gas. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019L0692&from=EN> (accessed 14.01.2020).

³³ См.: Gotev G. Nord Stream 2 seeks arbitration in dispute with EU Commission. – *EURACTIV.com*. September 26, 2019. URL: <https://www.euractiv.com/section/energy/news/nord-stream-2-seeks-arbitration-in-dispute-with-eu-commission/> (дата обращения: 14.01.2020).

обеспечения экологически безопасного и устойчивого развития. Так, указано, что основными источниками загрязнения воздуха, способствующего подкислению окружающей среды, являются сжигание ископаемого топлива для производства энергии и основные технологические процессы в различных отраслях промышленности, а также транспорт, которые приводят к выбросам серы, оксидов азота и других загрязнителей. В Протоколе установлена связь с Рамочной конвенцией об изменении климата 1992 г., в соответствии с которой существует договоренность о разработке национальной политики и принятии мер по противодействию изменению климата. Важно, что государства активно сотрудничают по обеспечению охраны окружающей среды при использовании ядерной энергетики, однако данный вопрос требует отдельного исследования.

Наряду с Конвенцией о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г. и Рамочной конвенцией об изменении климата 1992 г., действуют и другие международные документы в сфере охраны атмосферного воздуха от загрязнения, которые имеют прямое отношение к осуществлению энергетической деятельности, включая морскую перевозку, такие как, например, МАРПОЛ³⁴ с Приложением VI «Правила предотвращения загрязнения воздушной среды с судов» и Минаматская конвенция о ртути со статьей 8 по выбросам³⁵. Однако на современном этапе представляется важным разработать и принять на международном уровне универсальный документ касательно трансграничного загрязнения воздуха на большие расстояния, который, безусловно, повысит уровень охраны окружающей среды от загрязнений при осуществлении энергетической деятельности.

Следующим важным вопросом в этой связи является международно-правовое регулирование предотвращения загрязнения окружающей среды в результате деятельности по добыче топливно-энергетических ресурсов морского дна, прежде всего, нефти и газа, добыча которых приводит к наиболее опасному загрязнению морской среды.

В этой связи важно отметить два международно-правовых документа – Конвенцию ООН по морскому праву и МАРПОЛ. Кроме того, вопрос по защите морской среды при разработке нефти и газа нашел отражение в одном из положений Принципа 21 Конференции Рио, согласно которому государства должны признать необходимость дополнительных мер для предупреждения загрязнения морской среды с газовых и нефтяных установок и принять необходимое законодательство для обеспечения безопасности морской среды, а также определить меры, которые должны быть приняты в рамках международных организаций (ИМО, а также региональных организаций). Сохранение и рациональное использование океанов и морей является целью устойчивого развития и сегодня, что закреплено в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года в качестве одной из целей устойчивого развития³⁶.

В целом Конвенция по морскому праву передает обязательства по предупреждению загрязнения морской среды от соответствующей деятельности государствам. Так, согласно статьям 208 и 214 Конвенции ООН по морскому праву, прибрежные государства должны разработать и принять соответствующее законодательство с целью предупреждения загрязнений в результате деятельности на морском дне в пределах территории, находящейся под их юрисдикцией. Такое законодательство должно быть не менее эффективным, чем международные правила, стандарты и рекомендованные практики и процедуры (п. 3 ст. 208). Более того, согласно п. 5 ст. 208 Конвенции, государства должны создать универсальные и региональные правила, стандарты и рекомендованные практики, а также процедуры с целью предупреждения и уменьшения загрязнения в результате деятельности на морском дне в пределах национальной юрисдикции, а также соответствующего контроля. Согласно положениям ст. 214, государства обеспечивают выполнение своих законов и правил, принятых в соответствии со статьей 208, и принимают законы, правила и другие меры, необходимые для осуществления

³⁴ См.: Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов от 2 ноября 1973 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/pollution_from_ships.pdf. (дата обращения: 14.01.2020).

³⁵ Минаматская конвенция о ртути от 10 октября 2013 г. Доступ: http://www.mercuryconvention.org/Portals/11/documents/Booklets/Minamata%20Convention%20on%20Mercury_booklet_Russian.pdf (дата обращения: 14.01.2020).

³⁶ Организация Объединенных Наций: Цель 14: Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития. Доступ: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/oceans/> (дата обращения: 14.01.2020).

применимых международных норм и стандартов, установленных через компетентные международные организации или дипломатическую конференцию в целях предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды, вызываемого или связанного с деятельностью на морском дне, подпадающей под их юрисдикцию, и искусственными островами, установками и сооружениями под их юрисдикцией.

К сожалению, на современном этапе не разработан международный договор универсального характера по охране морской среды от деятельности по добыче топливно-энергетических ресурсов морского дна. Однако, существуют соответствующие международно-правовые документы «мягкого права». Так, в 1981 г. в рамках ЮНЕП группой экспертов был разработан свод положений об охране окружающей среды при осуществлении разведки и добычи ресурсов морского дна в пределах национальной юрисдикции. Данный свод правил был утвержден в 1982 г. в качестве рекомендуемой практики Советом ЮНЕП³⁷ и Генеральной Ассамблеей ООН³⁸. Положениями данного документа государствам рекомендуется полностью контролировать деятельность на морском дне и установить только разрешительный порядок такой деятельности. При этом разрешение должно выдаваться после проведения предварительной экологической оценки и не должно выдаваться, если установлено, что такая деятельность повлечет достаточно серьезные негативные последствия для окружающей среды. Если разрешения на осуществление какой-либо деятельности на морском дне выдаются в конкурсном порядке, то в условиях конкурса должно быть включено положение о том, что выбросы, сбросы и отходы, являющиеся результатом осуществляемой деятельности, не должны представлять опасность для здоровья населения, флоры, фауны и побережья (ст. 7). Вся соответствующая деятельность должна находиться под постоянным наблюдением с целью обеспечения выполнения названных обязательств.

Раздел «F» данного документа включает положения по мерам безопасности. Так, согласно

статье 20 данного документа, государства, на территории которых осуществляется соответствующая деятельность, должны предпринять необходимые меры по безопасности. Среди них: выбор материалов для создания конструкций и установок должен быть сделан в соответствии с объемом работ, которые будут осуществляться с их помощью; сооружения должны строиться с учетом того, что они выдержат всю естественную нагрузку, которая будет иметь место при их эксплуатации; каждая установка, которая может представлять опасность для судоходства, должна быть промаркирована в соответствии с международно-признанной системой сигналов с целью определения ее местонахождения (ст. 21). Государства также должны обеспечить, чтобы все этапы деятельности, как на стадии разведки, так и на стадии разработки, были должным образом подготовлены, операторы следили за всеми операциями, минеральные ресурсы морского дна безопасно транспортировались на берег (ст. 22). Государства должны обеспечить, чтобы любая деятельность по добыче ресурсов морского дна осуществлялась лишь при наличии соответствующего разрешения, а также постоянного надзора (ст. 23). Согласно статье 25 при соответствующей деятельности на морском дне, государства должны обеспечить, чтобы соблюдались все международные правила, стандарты, рекомендуемые практики по обеспечению безопасности, здоровья населения и условий работы. Кроме того, государства должны поощрять сотрудничество между работниками, работодателями и государственными органами по вопросам обеспечения безопасности, здоровья населения и условий работы.

Раздел «G» данного документа посвящен вопросам планирования деятельности при возникновении форс-мажорных обстоятельств. Так, согласно статье 26, государства должны обеспечить, чтобы разрабатывались и при необходимости применялись планы деятельности при возникновении форс-мажорных обстоятельств, особенно тех, которые могут привести к неблагоприятному воздействию на окружающую среду.

Кроме того, важно отметить соответствующие правила, разработанные в рамках ИМО. Так,

³⁷ См.: Conclusions of the study of legal aspects concerning the environment related to offshore mining and drilling within the limits of national jurisdiction. Decision 10/14/VI of the Governing Council of UNEP dated May 31, 1982. Nairobi : UNEP. 1982.

³⁸ См.: Генеральная Ассамблея ООН: Международное сотрудничество в области окружающей среды. 20.12.1982. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/37/217> (дата обращения: 17.01.2020).

в 2009 г. был введен Кодекс ИМО по конструкции и оборудованию морских плавучих буровых установок³⁹, который заложил основы правового регулирования и стандартов в данной сфере. Безусловно, принятие эффективных международных стандартов в отношении сооружений и труб, иного оборудования, которое используется при разработке и добыче топливно-энергетических ресурсов морского дна, как это определено Конвенцией ООН по морскому праву (ст. 194 (3) и рассмотренными Правилами ЮНЕП (раздел «F»), – необходимый шаг на пути экологически безопасного осуществления энергетической деятельности и энергоэффективности. Несмотря на свой декларативный характер, правила, разработанные в рамках ИМО и ЮНЕП, безусловно, способствовали и способствуют разработке соответствующих норм национального регулирования и международных стандартов.

В целом положения о сохранении окружающей среды в контексте энергетической отрасли отражены в Европейской Энергетической Хартии 1991 г. и Договоре к Энергетической Хартии 1994 г., а также в Протоколе к Энергетической Хартии по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам 1994 г.⁴⁰ Экологическим аспектам посвящена, например, ч. IV Договора, в которой изложены обязательства государств-участников: принимать меры к тому, чтобы деятельность в энергетическом секторе способствовала достижению устойчивого развития; развивая энергетический сектор, выполнять все обязательства по международным договорам, касающимся сохранения окружающей среды; минимизировать негативное воздействие на окружающую среду, деградацию окружающей среды и др.

Так, статья 19 Договора к Энергетической хартии 1994 г. посвящена экологическим аспектам при осуществлении энергетической деятельности. Данная статья закрепляет применительно к энергетической деятельности такие принципы международного права окружающей среды, как устойчивое развитие, «загрязнитель платит», принцип предосторожности. Далее эти положения получили развитие в Протоколе по вопросам энергетической эффективности и соответствующим

экологическим аспектам. В соответствии с Договором, преследуя цель обеспечить устойчивое развитие и принимая во внимание обязательства по международным соглашениям об охране окружающей среды, стороной которых она является, каждая Договаривающаяся Сторона стремится сводить к минимуму экономически эффективными методами вредное воздействие на окружающую среду, имеющее место либо в пределах, либо за пределами ее территории в результате всех операций в рамках энергетического цикла на ее территории, учитывая надлежащим образом вопросы безопасности. Особое внимание в документе уделено повышению энергоэффективности, освоению и использованию возобновляемых источников энергии, поощрению применения более чистых видов топлива и использованию технологий и технологических средств, снижающих загрязнение.

Если статья 19 формулирует соответствующие принципы, то Протокол налагает более значительные обязательства в отношении регулирования энергетической деятельности и энергетической эффективности. Протокол закрепляет положение об устойчивом развитии, определяет программные принципы содействия повышению энергетической эффективности как значительного источника энергии и последующего ослабления неблагоприятного воздействия на окружающую среду энергетических систем. Договаривающиеся Стороны формулируют стратегии и программные цели в области повышения энергетической эффективности в соответствии с их собственными конкретными энергетическими условиями.

Итак, Договор к Энергетической хартии и Протокол по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам являются основными документами, которые направлены на учет экологических аспектов при осуществлении энергетической деятельности в ЕС. Благодаря реализации Протокола Энергетическая хартия предоставляет своим странам-членам множество передовых практик и форум, на котором можно обмениваться опытом и политическими советами по вопросам экологически безопасной энергетической

³⁹ International Maritime Organization: Code for the Construction and Equipment of Mobile Offshore Drilling Units. URL: [http://www.imo.org/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/Assembly/Documents/A.1023\(26\).pdf](http://www.imo.org/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/Assembly/Documents/A.1023(26).pdf) (accessed 15.01.2020).

⁴⁰ См.: *Международно-правовые аспекты недропользования. Учебное пособие*. Отв. ред. Вылегжанин А.Н. М.: НОРМА. 2007. С. 65-66, 307-325.

деятельности и энергоэффективности. В рамках этого форума особое внимание уделяется таким аспектам национальной стратегии в данной области, как налогообложение, ценовая политика в энергетическом секторе, экологические субсидии и другие механизмы финансирования соответствующих целей.

Среди ключевых документов ЕС в рассматриваемой сфере важно отметить Директиву о безопасности морских нефтегазовых операций 2013 г. (2013/30 / EU)⁴¹. В соответствии с Директивой ЕС установил ряд правил, которые помогут предотвратить аварии, а также быстро и эффективно реагировать в случае их возникновения. Так, согласно документу, до начала разведки или добычи компании в обязательном порядке должны подготовить «Отчет об основных опасностях» для своей морской установки. Этот отчет должен содержать оценку риска и план аварийного реагирования; при выдаче лицензий страны ЕС должны гарантировать, что компании хорошо финансируются и имеют необходимый технический опыт; технические решения, которые имеют решающее значение для безопасности установок операторов, должны пройти независимую оценку, что должно быть сделано до начала работ по установке; национальные органы власти должны проверить меры безопасности, меры по защите окружающей среды и аварийную готовность буровых установок и платформ. Если компании не соблюдают минимальные стандарты, страны ЕС могут ввести санкции, в том числе остановить производство. Информация о том, как компании и страны ЕС обеспечивают безопасность установок, должна быть доступна для граждан, которые могут выражать свое мнение по поводу воздействия на окружающую среду уже на стадии планирования морской разведки. В документе указано, что компании будут нести полную ответственность за ущерб окружающей среде. Касательно ущерба, нанесенного морской среде, географическая зона будет охватывать все морские воды ЕС, включая исключительную экономическую зону и континентальный шельф. Важно также отметить, что компетентные органы государств – членов ЕС в рамках Группы нефтегазовых ведомств Европейского Союза⁴² осуществляют сотрудничество по

обмену передовым опытом и улучшению соответствующих стандартов.

5. Заключение

Правовое регулирование сотрудничества в сфере энергетической деятельности ЕС опирается на ряд международных соглашений и должно им соответствовать и развиваться в строгом соответствии с международно-правовыми обязательствами ЕС. В настоящее время положения Третьего энергетического пакета остаются предметом дискуссий как в рамках ЕС, так и на международной арене [Петров 2014:185]. Именно Третий энергетический пакет стал основой отказа от строительства трансграничного газопровода «Южный поток» и может существенно повлиять на ход реализации «Северного потока – 2», хотя и заинтересованные государства ЕС, и Россия все же надеются, что ввиду важности этого проекта, он будет реализован с минимальными временными и финансовыми потерями. Ведь, несмотря на жесткость европейского законодательства, ему противопоставлено международное право, которое призвано восстановить нарушенный баланс во взаимоотношениях сторон. Основными инструментами международно-правовой защиты интересов России могут стать инвестиционные соглашения, которые позволят юридически оспорить зачастую дискриминационную практику Европейского союза по отношению к России [Talus 2014:227].

В связи с этим содействовать разрешению ситуации сможет также Апелляционный орган ВТО, решение которого, несомненно, будет способствовать совершенствованию энергетического законодательства ЕС в соответствии с принципами и нормами международного права. Кроме того, ясность в вопрос может внести также начатое по инициативе российской стороны арбитражное разбирательство. Не менее важно и то, что в рамках Европейского союза остаются государства, которые, так или иначе, поддерживают дальнейшее развитие энергетического сотрудничества с Россией, несмотря на активное противостояние со стороны Европейской комиссии.

Проблемы в энергетических отношениях сторон возможно было бы избежать или над-

⁴¹ См.: European Union: Directive 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council of 12 June 2013 on safety of offshore oil and gas operations and amending Directive 2004/35/EC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32013L0030>. (accessed 15.01.2020).

⁴² European Commission: EU Offshore Authorities Group. URL: <https://euoag.jrc.ec.europa.eu/> (accessed 15.01.2020).

лежащим образом урегулировать при наличии международно-правовых норм, обеспечивающих энергетическое сотрудничество. В настоящее время отсутствует международный договор универсального характера, который регулирует отношения в данной сфере. Изначально таким инструментом должен был стать Договор к Энергетической хартии 1994 г., однако, по мнению И.В. Гудкова, этой цели достигнуть не удалось, поскольку в нем не участвуют большинство стран – экспортеров энергии, в том числе Россия, которая не намеревается становиться его стороной [Гудков 2015:87].

Энергетическое законодательство ЕС, безусловно, продолжит свое развитие, и здесь важным элементом будет уровень соответствия новых правовых норм ЕС с другими международно-правовыми обязательствами ЕС как в сфере торговых отношений и обязательств ЕС в рамках ВТО, так и в других областях международного права, таких как, например, международно-правовой статус морских территорий и охрана окружающей среды, которые и были рассмотрены в данном исследовании.

Имплементация положений Третьего энергетического пакета государствами – членами ЕС должна осуществляться с учетом совместности принятых норм с международно-правовыми нормами по защите окружающей среды, в том числе морской среды. В целом сотрудничество в сфере охраны окружающей среды при осуществлении энергетической деятельности опирается на ряд международных соглашений и основывается на принципах международного экологического права и устойчивого развития. В рамках данного исследования был рассмотрен ряд международно-правовых вопросов в данной сфере, прежде всего, сотрудничество государств по предотвращению трансграничного загрязнения воздуха на большие расстояния, что напрямую связано с последствиями от энергетической деятельности. В качестве общего вывода, характерного как для развития международного права в данной области в целом, так и для права ЕС, предлагается разработать и принять универсальный документ о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния, который, безусловно, повысит уровень охраны окружающей среды от загрязнений при осуществлении энергетической деятельности.

Следующим важным вопросом в этой связи является международно-правовое регулирование по предотвращению загрязнения окружаю-

щей среды в результате деятельности по добыче топливно-энергетических ресурсов морского дна и прокладки трубопроводов, ведь последствия от такой деятельности непредсказуемы, как это было в результате разлива нефти при взрыве нефтяной платформы в Мексиканском заливе в 2010 г. Одним из выводов при рассмотрении существующих проблем международно-правового регулирования в данной сфере является предложение о разработке универсального международного документа обязательного характера об охране окружающей среды при разработке и добыче топливно-энергетических ресурсов морского дна.

Важно отметить, что законодательство ЕС касательно обеспечения экологической безопасности при осуществлении деятельности по использованию энергетических ресурсов представляется вполне эффективным и соответствует рассмотренным международно-правым нормам в данной сфере. Государства – члены ЕС эффективно реализуют положения Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г. и Протокола к ней от 1994 г., Конвенции по морскому праву 1982 г. и других рассмотренных международно-правовых документов в сфере охраны морской среды. Положения о сохранении окружающей среды в контексте энергетической отрасли отражены в Европейской Энергетической Хартии 1991 г. и Договоре к Энергетической Хартии 1994 г., а также в Протоколе к Энергетической Хартии по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам 1994 г. Договор к Энергетической хартии и Протокол по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам являются основными документами, которые направлены на учет экологических аспектов при осуществлении энергетической деятельности в ЕС. Благодаря реализации Протокола Энергетическая хартия предоставляет государствам-членам множество передовых практик и форум, на котором можно обмениваться опытом и политическими советами по вопросам энергоэффективности. В рамках этого форума особое внимание уделяется таким аспектам национальной стратегии в области энергоэффективности, как налогообложение, ценовая политика в энергетическом секторе, экологические субсидии и другие механизмы финансирования целей в области энергоэффективности.

Среди важных документов ЕС в рассматриваемой сфере необходимо отметить и упомяну-

тую выше Директиву о безопасности морских нефтегазовых операций 2013 г. (2013/30/EU), которая устанавливает ряд правил, призванных предотвратить аварии при осуществлении соответствующей деятельности, а также быстро и эффективно реагировать в случае их возникновения. Директива закрепляет и права граждан на участие в принятии решений по вопросам раз-

работки и реализации таких проектов⁴³. Кроме того, в рамках ЕС существует эффективная платформа для сотрудничества между государствами-членами по обмену передовым опытом при осуществлении деятельности по добыче нефти и газа и улучшению соответствующих стандартов. Таким форумом стала Группа нефтегазовых ведомств Европейского союза.

Список литературы

1. Арапова Е., Большаков А., Сушенцов А. 2019. «Северный поток – 2»: сценарии развития ситуации. М.: Консалтинговое агентство МГИМО «Евразийские стратегии». 27 с. Доступ: <http://eurasian-strategies.ru/wp-content/uploads/2019/09/Severnyj-potok-2.-Scenarii-razvitija-situacii.pdf> (дата обращения: 12.01.2020).
2. Гудков И.В. 2010. Третий энергетический пакет Европейского союза. – *Нефть, Газ и Право*. № 3. С. 58-66.
3. Гудков И.В. 2015. Проблемы международно-правового регулирования энергетических отношений на примере взаимодействия России и Европейского союза. – *Закон*. № 1. С. 84-96.
4. Гудков И.В. 2017. Политико-правовые аспекты реализации трансграничного газопроводного проекта «Северный поток – 2». – *Нефть, Газ и Право*. № 2. С. 41-53.
5. Исполинов А.С., Двенадцатова Т.И. 2013. Создание единого энергетического рынка ЕС: тихая революция с громкими последствиями. – *Балтийский регион*. № 2. С. 101-119. DOI: 10.5922/2074-9848-2013-2-8
6. Петров К.Е. 2014. Применение правил Третьего энергетического пакета ЕС и его последствия для российской энергетики. – *Ежегодник Института международных исследований*. № 3-4. С. 182-194.
7. Рачков И.В. 2015. Комментарий по спору: ЕС и государства-члены – Меры в отношении энергетического сектора. – *Право ВТО*. № 1. С. 71-77.
8. Dralle T. 2018. *Ownership Unbundling and Related Measures in the EU Energy Sector: Foundations, the Impact of WTO Law and Investment Protection*. Dresden: Springer International Publishing AG. 373 p. DOI: 10.1007/978-3-319-77797-9
9. Georgiou N., Rocco A. 2017. *Energy Governance in EU-Russia Energy Relations: Paving the Way Towards an Energy Union*. Birmingham: University of Birmingham. 24 p. URL: http://epapers.bham.ac.uk/2944/1/IEL_Working_Paper_01-2017.pdf (accessed 04.01.2020).
10. Herweg M., Wurster St., Dümig K. 2018. The European Natural Gas Market Reforms Revisited: Differentiating between Regulatory Output and Outcome. – *Social Sciences*. Vol. 7. Issue 4. P. 1-19. DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci7040057>
11. Medović V. 2017. South Stream: Business Deal of the Century or Lawsuit of the Century?. Belgrade. 31 p.

URL: http://www.emins.org/uploads/useruploads/forum-it/IF-20-South_stream_ENG_net.pdf (accessed 04.01.2020).

12. Penttinen S.L., Aalto P., Haukkala T. 2020. EU Electricity Market Reform and the Adoption of the Clean Energy Package Addressing System Flexibility. – *EL-TRAN Policy Brief*. №1. 11 p. URL: <https://tt.eduuni.fi/sites/EL-TRAN/Julkiset%20tiedot/Sirja-Leena%20Penttinen%20et%20al.,%20EU%20Electricity%20Market%20Reform%20and%20the%20Adoption%20of%20the%20Clean%20Energy%20Package.pdf> (accessed 05.02.2020).
13. Riley A. 2018. Nord Stream 2: Understanding the Potential Consequences. Washington: Atlantic Council. 20 p. URL: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/Atlantic%20Council_Nord%20Stream%202.pdf (accessed 04.01.2020).
14. Talus K. 2013. *EU Energy Law and Policy: A Critical Account*. Oxford: Oxford University Press. 375 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199686391.001.0001
15. Talus K. 2014. *Research Handbook on International Energy Law*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 704 p.

References

1. Arapova E., Bol'shakov A., Sushentsov A. «Северный поток-2»: сценарии развития ситуации [“Nord Stream – 2”: scenarios]. Moscow: Консалтинговое агентство МГИМО “Евразийские стратегии”. Publ. 2019. 27 p. (In Russ.). URL: <http://eurasian-strategies.ru/wp-content/uploads/2019/09/Severnyj-potok-2.-Scenarii-razvitija-situacii.pdf> (accessed 12.01.2020).
2. Dralle T. *Ownership Unbundling and Related Measures in the EU Energy Sector: Foundations, the Impact of WTO Law and Investment Protection*. Dresden: Springer International Publishing AG. 2018. 373 p. DOI: 10.1007/978-3-319-77797-9
3. Georgiou N., Rocco A. *Energy Governance in EU-Russia Energy Relations: Paving the Way Towards an Energy Union*. Birmingham: University of Birmingham. 2017. 24 p. URL: http://epapers.bham.ac.uk/2944/1/IEL_Working_Paper_01-2017.pdf (accessed 04.01.2020).
4. Gudkov I.V. Политико-правовые аспекты реализации трансграничного газопроводного проекта “Северный поток – 2” [Political and legal aspects of the implementation of the “Nord Stream-2” cross-border gas pipeline

⁴³ European Union: Directive 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council of 12 June 2013 on safety of offshore oil and gas operations and amending Directive 2004/35/EC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013L0030&from=EN> (accessed 12.01.2020).

- project]. – *Neft', Gaz i Pravo*. 2017. No. 2. P. 41-53. (In Russ.)
5. Gudkov I.V. Problemy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya energeticheskikh otnoshenii na primere vzaimodeistviya Rossii i Evropeiskogo soyuza [Problems of international legal regulation of energy relations in view of the Russia – EU Interaction] – *Zakon*. 2015. No. 1. P. 84-96. (In Russ.)
  6. Gudkov I.V. Tretii energeticheskii paket Evropeiskogo soyuza [EU Third energy package]. – *Neft', Gaz i Pravo*. 2010. No. 3. P. 58-66. (In Russ.)
  7. Herweg M., Wurster St., Dümig K. The European Natural Gas Market Reforms Revisited: Differentiating between Regulatory Output and Outcome. – *Social Sciences*. 2018. Vol. 7. Issue 4. P. 1-19. DOI: <https://doi.org/10.3390/socialsci7040057>
  8. Ispolinov A.S., Dvenadtsatova T.I. Sozдание edinogo energeticheskogo rynka ES: tikhaya revolyutsiya s gromkimi posledstviyami [The creation of a common EU energy market: a quiet revolution with loud consequences]. – *Baltiiskii region*. 2013. No. 2. P. 101-119. (In Russ.). DOI: 10.5922/2074-9848-2013-2-8
  9. Medović V. South Stream: Business Deal of the Century or Lawsuit of the Century?. Belgrade. 2017. 31 p. URL: http://www.emins.org/uploads/useruploads/forum-it/IF-20-South_stream_ENG_net.pdf (accessed 04.01.2020).
  10. Penttinen S.L., Aalto P., Haukkala T. EU Electricity Market Reform and the Adoption of the Clean Energy Package Addressing System Flexibility. – *EL-TRAN Policy Brief*. 2020. No. 1. 11 p. URL: <https://tt.eduuni.fi/sites/EL-TRAN/Julkiset%20tiedostot/Sirja-Leena%20Penttinen%20et%20al.,%20EU%20Electricity%20Market%20Reform%20and%20the%20Adoption%20of%20the%20Clean%20Energy%20Package.pdf> (accessed 05.02.2020).
  11. Petrov K.E. Primenenie pravil Tret'ego energeticheskogo paketa ES i ego posledstviya dlya rossiiskoi energetiki [Application of the EU Third Energy Package and Its Implications for the Russian Energy Sector]. – *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnykh issledovaniy*. 2014. No. 3-4. P. 182-194. (In Russ.)
  12. Rachkov I.V. Kommentarii po sporu: ES i gosudarstvennyye chleny – Mery v otnoshenii energeticheskogo sektora [Commentaries to dispute: EU and states-members – Measures with regard to the energy sector]. – *Pravo VTO*. 2015. No. 1. P. 71-77. (In Russ.)
  13. Riley A. Nord Stream 2: Understanding the Potential Consequences. Washington: Atlantic Council. 2018. 20 p. URL: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/Atlantic%20Council_Nord%20Stream%202.pdf (accessed 04.01.2020).
  14. Talus K. *EU Energy Law and Policy: A Critical Account*. Oxford: Oxford University Press. 2013. 375 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199686391.001.0001
  15. Talus K. *Research Handbook on International Energy Law*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2014. 704 p.

Информация об авторах

Эльвира Фаритовна Пушкарева,

доктор юридических наук, Совет по изучению производительных сил, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

117997, Российская Федерация, Москва, Вавилова ул., д. 7

elvira_2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2620-623X

Вячеслав Александрович Митюшкин,

младший юрист, Юридическая фирма «Вестсайд»

123290, Российская Федерация, Москва, 1-й Магистральный тупик, д. 11

vyacheslavalex@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9313-4291

About the Authors

Elvira F. Pushkareva,

Doctor of Juridical Sciences, Council for the Study of Productive Forces, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation

7, ul. Vavilova, Moscow, Russian Federation, 117997

elvira_2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2620-623X

Vyacheslav A. Mityushkin,

Junior Associate, Westside Law Firm

11, 1-yi Magistralnyi tupik, Moscow, Russian Federation, 123290

vyacheslavalex@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9313-4291